

Ильф
Илья Арнольдович

(1897–1937)
(наст. фамилия
Файнзильберг)
родился 4 (16)
октября 1897 г.
в Одессе в семье
банковского
служащего.
В 1913 г. окончил
техническую школу,
после чего работал
в чертежном бюро,
на телефонной станции,
на авиационном
заводе, на фабрике
ручных гранат.
После революции
был бухгалтером,
журналистом в
ЮгРОСТА, редактором
в журналах, членом
Одесского союза
поэтов. В 1923 г.
приехал в Москву,
стал сотрудником
газеты «Гудок»,
с которой в 1920-е
годы сотрудничали
М. Булгаков, Ю. Олеся
и другие известные
впоследствии
писатели. Ильф
писал материалы
юмористического
и сатирического
характера, в основном
фельетоны.

Действие первое

Комната Берлага. Портреты родственников в котелках и пасхальных цилиндрах. Телефон. Зеркало. Письменный стол.

Берлага (говорит по телефону): Да... да... Сегодня на службу не могу прийти. Болен. Чем? Еще не знаю, но, наверное, чем-нибудь болен... да... да... Что? Кого, кого? Уже вычистили? Побирухина вычистили по второй категории? Ай-й-й-й! Вот наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс! А наш отдел когда чистится? В среду? Что? Меня на персональную? (Входит шури. Берлага оглядывается, вешает трубку.) Ну, это уже черт знает что такое! Что Побирухина вычистили, это я еще понимаю, у него родители не в порядке, но меня... (Крестится.)... Ей-богу, это недопустимый перегиб.

Шури. Что случилось?
Берлага. Случилось то, что меня хотели вычистить, дай бог, чтоб по второй категории.

Шури (спокойно). Тебя вычистят по первой.
Берлага. Почему по первой? Это недопустимое явление! (Хорохорится.)

Шури (спокойно). Это допустимое явление. Поверь родному шури. Человека, который имел собственную фабрику, а в анкете написал, что он пролетарий умственного труда, чистят с песочком.

Берлага. С песочком!..
Шури. С наждачком. И тебя вычистят. Бог правду видит, не беспокоится.

Берлага. Кто же мог знать, что будет революция. Люди устраивались, как могли. Кто имел аптеку, а кто фабрику. И в этом, в конце концов, не было ничего плохого. Кто мог знать?

Шури. Надо было знать.

Берлага. Че-е-стное слово, такое время настало, что с удовольствием дал бы самому себе по морде. А кто виноват? Франц Меринг, Фердинанд Лассаль и этот... как его... Ну, этот... анархист... Вот забыл фамилию... Ну, эта, бывшая Пречистенка... Да! Кропоткинская! Вот кто виноват!

Шури (задумчиво). Приходится вариться в собственном соку.

Берлага (в отчаянии). Где же выход из этого исхода? Ведь вычистят?

Шури. Берлага, тебе надо спастись!

Берлага. Я сам знаю, что надо спастись. Скажи как.

Шури. Ты не можешь заболеть на время чистки?

Берлага (звукно). Я здоров как бык.

Шури. Так, так... Отпуска тебе, конечно, не дадут, пока не прочистишься. Есть такое правило... Плохо... Я тебе еще в 1911 году говорил: «Берлага, брось фабрику, открой мужской, дамский и детский конфекцион готового платья». Не послушался.

Берлага. Кто мог знать, что начнется такая философия против частной собственности! (Ломает руки.)

Шури. Надо было знать... Что ж, однако, с тобой делать? Уволиться тебе тоже нельзя. Есть такое правило: перед чисткой не увольняют...

Берлага (бьет себя по щекам). С ума сойти можно.

Шури (настораживаясь). Пойди, постои, как ты сказал?

Берлага. С ума сойти можно.

Шури. Стоп, стоп... Погоди-ка... Да! Это мысль! (Оживляется.)

Пойди, не перебивай! Есть! Ты сходишь с ума. Понял? Ты сходишь с ума на какой-нибудь почве, и тебя отправляют в психиатрическую больницу.

Берлага. Но ведь я же здоров как бык.

Шури. Ты ничего не понимаешь! Хороший сумасшедший всегда здоров как бык. Ведь тебя никто не может проверить!

Берлага (задумчиво). У одного моего знакомого был сумасшедший дядя, который воображал себя одновременно Авраамом, Исааком и Иаковом. Представляешь себе, какой шум он поднимал!

Шури. И ты должен поднимать шум. Простейшая вещь! И пока там врачи разберут, что к чему (наука тонкая, нежная, вообще никто ничего не понимает), чистка кончится. И ты вернешься как ни в чем не бывало.

Берлага. Ох, трудная штука!

Шури. Глупости! Тебе ничего не придется делать. Ты только должен всем и каждому кричать в уши: «Я Наполеон!» Или: «Я Эмиль Золя!» Или «Магомет», если хочешь!

Берлага (неуверенно). А вице-король Индии можно?

Шури. Можно, можно. Сумасшедшему всё можно. Ну! (Ищет номер в телефонной книжке.)

Берлага. Я... я...

Шури. А, что с тобой говорить, с дураком! (Снимает телефонную трубку.) Два раза семьдесят восемь. Алло! Это психиатрическая? Скорее выплети карету! (Отпихивает ногой обезумевшего от страха Берлагу.) Да, да... Ужасный бред величия... Конечно, бросается. Да. На родных бросается тоже. Был ягненок, а стал какой-то верп. Ага! Значит, не связывать? Это что, новые веяния? Ну, так, пожалуйста, скорее!.. Ждем. (Вешает трубку.) Сейчас приедут.

Берлага. Что ты наделал? Я не хочу. Я здоров как бык.

Шури. А первую категорию хочешь? Из профсоюза вылететь хочешь? Тоже, недавно один такой, как ты, пролетарий умствен-

ного труда, говорил на чистке: «Я родился между молотом и наковальней». А потом оказалось, что он имел большое кузнечное заведение.
Берлага. Я боюсь... Там же сидят настоящие сумасшедшие. Они меня укусят. Или будут шекотать.
Шури. Погоди, вот тебя на чистке пощекочут. И укусят. Ну! Выбирай, кто ты. Магомет? Или Этель Кинг, женщина-сыщик? Или пойдешь по стопам того сумасшедшего и будешь одновременно Авраамом, Исааком и Иаковом?
Берлага (решительно крестится). Так и быть. Вице-королем Индии.
Шури. Валей.
Берлага становится в позу. Хочет. Рычит и подскакивает. Не верю, не верю. Больше жизненной правды. Переживай, головоди, по системе Станиславского. Слова, слова давай!
Берлага. Я вице-король Индии! Ха-ха!
Шури. Бледно. Не верю, не волнует. Меня не волнует!
Берлага (надсаживается). Где мои слоны? Где мои верные магараджи?
Шури. Уже лучше. Еще давай. Больше бешенства! Бешенства больше! Купечества! (Берлага прыгает.) Так, так... Рубашку на себе порви. Жалко? А по первой не жалко?
Берлага. Где мои верные набибы? Мои великие моголы! Мои набобы!.. И баобабы!
Шури. Что, что? (Берет бутылочку и читает этикетку.) Лучшие копировальные железисто-галлусовые чернила первого класса! (Мажет Берлагу чернилами. Берлага жалобно хохочет. Слышен тревожный медицинский звонок санитарной кареты.) Ложись на пол! Ну! Больше жизненной правды! Спук в дверь. Входят санитары.
Берлага (ужасным голосом). Я не более как вице-король Индии! Санитары молча подхватывают Берлагу под руки.
Шури. Вы с ним не церемоньтесь, товарищи! По шеем его! По шеем!
Санитар. У нас не полагается. Документы есть?
Шури. Пожалуйста!
Берлага (вопит). Где мои верные набибы, магараджи, мои абреки, мои кунаки, мои слоны!..
Санитары уводят Берлагу. Снова звонок.
Шури (задумчиво). Вот про абреков и кунаков он напрасно. Они, кажется, на Кавказе водятся, а не в Индии. Ну, ничего! Для сумасшедшего сойдет!

Вице-король

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Гражданин Берлага — вице-король Индии.
Его шури — бедовый человек.
И. Н. Старохамский — он же Кай Юлий Цезарь, быв. присяжный поверенный.
Гражданин Диванов — женщина-мужчина. Усатый.
Тихон Маркович — человек-собака.
Молодая докторша — психиатр.
Санитары. Студенты.

тенов. Скифов надо душить! И плебеев надо душить, чтоб не зазнавались!

Тихон Маркович (заливисто лает).

Санитар уходит. Больные сразу же успокаиваются.

Тихон Маркович (поднимаясь на ноги, плачевным голосом).

Господа! Я больше не могу ходить на четвереньках! Это выше моих сил. И наконец, я охрип.

Диванов. Да, Тихон Маркович, лаять вы стали как-то того... кисло-латово.

Тихон Маркович. Вы думаете, это легко? Весь день на четвереньках! Весь день на четвереньках! Смотрите, у меня на ладонях даже мозоли выскочили.

Диванов. Не надо было идти в собаки, не надо было прятаться в больнице.

Тихон Маркович. Легко сказать, не нужно было прятаться. Значит, по-вашему, господин Диванов, я должен был отправиться в банк и внести 48 000 налога по моему кустарному производству?

Нет, я еще не сумасшедший!

Диванов (со вздохом). Вам хорошо. В крайнем случае, вы получите «минус шесть», таким, как вы, больше не дают. Ну и будете жить где-нибудь в Калуге или в Твери. А мне, дорогой песик, пять лет со строгой изоляцией — это минимум, понимаете, прожиточный минимум. (Грустит.)

Тихон Маркович (ободравшись). Зато ампула легкое — кокетливая дамочка, поет романсы...

Диванов. Романсы!.. (Грустит.) Да, я пою романсы, а на душе у меня клоака, понимаете, клоака!

Тихон Маркович (расудительно). А вы б не вредительствовали — и не была б клоака.

Диванов (задумчиво). Сколько я вам сказал минимум? Пять лет? Гм... Если не все восемь. Одна надежда, что здесь отсижусь.

Тихон Маркович. Дай бог, дай бог. Пока удалось отлаться.

Хорошо еще, что главный врач в отпуску. Говорят, великий дока на симулянт.

Диванов. А мне и докторша что-то не нравится. Какая-то она слишком ласковая.

Старохамский (приближается). Ни черта она не понимает. Невежда. Советский вуз окончила. Можете себе представить ее научных багаж? Никакого багажа. Нет, нет, пропало дело народного образования в России, погибло! Все погибло!

Тихон Маркович. Я вам все-таки удивляюсь, мосе Старохамский, с вашим гуманитарным образованием вы могли бы иметь видное положение.

Старохамский (трагически). У большевиков? Ни-ког-да! Я был идеалистом, и я остался идеалистом. И даже сюда, в сумасшедший дом, я пошел по высоким идейным соображениям. Не-ет! С большевиками я жить не могу, уж лучше поживу здесь, рядом с обыкновенными сумасшедшими. Эти, по крайней мере, не строят социализма. И потом, здесь кормят, подчеркиваю, господа, совершенно даром кормят. Завтраки, обеды и ужины. А там в ихнем бедламе надо работать! Там даром ничего не дают! Но старый присяжный поверенный Старохамский на ихний социализм работать не будет. Слышите! Не будет!

Тихон Маркович (всплескивая руками). Ай-й-й, какая политическая целеустремленность!

Старохамский (с жаром). Здесь у меня, наконец, есть личная свобода! Свобода совести! Свобода слова! (Через палату проходит санитар. Старохамский визгливо орет.) Да здравствует Учредительное собрание! Все на форум! И ты, Брут, продайся ответственным работником! (Оборачиваясь к собеседникам.) Видели? Что хочу, то и кричу. А попробуйте на улице! В два счета напорешься на какого-нибудь пролетария!

Диванов (подходит с картами в руках). Ну, что вы всё о политике и о политике! Давайте перебросимся в шестьдесят шесть.

Старохамский (оживляясь). Без двадцати и сорока?

Диванов. Без двадцати и сорока.

Старохамский. По гривеннику очко?

Диванов. По гривеннику.

Старохамский. И второе из обеда?

Диванов (секунду в нерешительности). Идет второе из обеда.

Садятся на кровать, сдают карты.

Тихон Маркович (жалобно). А я?

Диванов. Сегодня вы на стреме, Тихон Маркович. Становитесь к дверям, а то кто-нибудь войдет.

Тихон Маркович. Всё я. Всегда я. Я и собака. Я и на стреме.

Старохамский. Очень просто. Собака всегда на стреме.

Тихон Маркович отходит к двери.

Диванов. Наша взятка... А это, будьте добры, мне... И это мне... И это... Эх, удачно вышло, что мы только вдвоем в этой палате, что среди нас нет ни одного настоящего сумасшедшего... Вам славать... Я, признаться, их побаиваюсь.

За сценой раздаются шум и протяжный крик Берлаги.

«Больные» вздрагивают. Тихон Маркович начинает лаять.

Старохамский быстро прячет карты под подушку.

Все трое принимают соответствующие позы.

Входят докторша и санитар...

Петров
Евгений Петрович

(наст. фамилия

Катаев) родился

30 ноября 1903 г.

в Одессе в семье пре-

подавателя. В трило-

гии своего старшего

брата Валентина

Катаева «Волны

Черного моря» стал

прототипом Павлика

Бачея. В 1920 г. окон-

чил классическую

гимназию и стал кор-

респондентом Укра-

инского телеграфного

агентства. В автобио-

графии Ильфа

и Петрова (1929)

о Петрове сказано:

«После этого в тече-

ние трех лет служил

инспектором уголов-

ного розыска. Первым

его литературным

произведением был

протокол осмотра

трупа неизвестного

мужчины».

В 1923 г. Петров при-

ехал в Москву. Стар-

ший брат ввел его

в среду журналистов

и литераторов.

Петров стал сотруд-

ником журнала

«Красный перец»,

а в 1926 г. пришел

работать в журнал

«Гудок». Как и Ильф,

писал в основном

юмористические

и сатирические мате-

риалы.

В 1927 г., с романа

«Двенадцать стульев»,

началось совместное

творчество Ильфа и

Петрова. Сюжетная

основа романа была

подсказана Катае-

вым. Роман был напи-

сан менее чем за пол-

года и издан в 1928 г.

а в 1931-м вышло его

продолжение —

«Золотой теленок».